

движения, либо не хотели этого, либо не смели идти так далеко. Они не хотели, чтобы революция наложила свою руку на имущества буржуазии, как она это сделала с имуществами дворянства и духовенства, а потому они стали пользоваться всем своим влиянием, чтобы затормозить и остановить, а затем раздавить более крайнее направление. Самые смелые и самые искренние из них по мере того, как они приближались к власти, становились совсем снисходительными по отношению к буржуазии, даже тогда, когда они ненавидели ее. Они заглушали свои стремления к равенству и начинали прислушиваться даже к тому, что скажет о них английская буржуазия. В свою очередь они тоже становились «государственными людьми» и старались установить сильное, централизованное правительство, которому должны были слепо повиноваться все его органы. И когда, наконец, им удалось установить такое правительство, перейдя ради этого через трупы тех, кого они нашли слишком крайними, они узнали, когда им самим пришлось подниматься на ступени эшафота, что, *убив крайнюю партию, они вместе с ней убили и самую революцию.*

После того как Конвент закрепил законом то, чего требовали крестьяне и что они кое-где приводили в исполнение самовольно в продолжение четырех лет, после этого народное представительство уже не в силах было предпринять никакой другой серьезной органической реформы. Если исключить меры, касающиеся военной защиты и народного образования, работа Конвента поражает с этих пор своей бесплодностью. Правда, законодатели-республиканцы провели еще учреждение революционных комитетов и решили оплачивать труд санкюлотов, которые будут отдавать свое время работам в секциях и в комитетах; но эти законы демократические с вида, не представляли собой мер революционного разрушения или революционного творчества. Это было не что иное, как средство организовать власть, и то только преимущественно для борьбы с врагами внешними и внутренними.

Теперь нужно искать вне Конвента и вне Якобинского клуба, т. е. в Парижской коммуне, в секциях столицы и провинциальных городов и в клубе кордельеров, людей, понимающих, что победы революции можно будет упрочить, только идя дальше, вперед, и старающихся поэтому выдвинуть требования коммунистического характера, зародившиеся в народных массах.

Эти люди, прозванные за это «бешеными», анархистами, пытались организовать Францию как *союз 40 тыс. коммун*, находящихся в постоянном сношении друг с другом и представляющих центры жизни крайней демократии, работающие над установлением «равенства на деле», как тогда говорили, «уравнения состояний»¹. Они старались дать дальнейшее развитие зачаткам муниципального коммунизма, признанным в законе о максимуме; они пытались ввести *национализацию торговли главными жизненными припасами* и тем положить предел спекуляциям торгашей. Они старались, наконец, положить предел образованию больших состояний и раздробить те, которые уже скопились в одних руках.

Но революционная буржуазия, дойдя до власти и пользуясь силой обоих Комитетов - общественного спасения и общественной безопасности, - влияние которых росло по мере того, как разгоралась война, революционная буржуазия раздавила тех, кого она называла «бешеными» и «анархистами» и, в свою очередь, была раздавлена 9 термидора контрреволюционной буржуазией². Тогда после того, как крайние революционеры были уничтожены, легко уже было утвердиться правительству директории; а потом Бонапарт, овладев центральной властью, которую создали революционеры-якобинцы, без труда мог стать консулом, а впоследствии и императором.

Покуда монтаньярам предстояла борьба в Конвенте с жирондистами, они искали поддержки у народных революционеров. В марте, в апреле 1793 г. они, казалось, готовы были идти очень далеко

¹ Развитие деятельности муниципалитетов было «последним выступлением революции, — очень верно заметил еще Минье в своей „Истории французской революции“ — Преследуя цели, противоположные тому, что хотел Комитет общественного спасения, эта фракция хотела вместо диктатуры Конвента самой крайней демократии, и вместо общественного богослужения — освящения самого грубого неверия. Анархия в политике и атеизм в религии — таковы были символы этой партии и средства, которыми она хотела утвердить свое преобладание». Нужно, впрочем, заметить, что только часть тех, кого называли анархистами, следовала за Эбером в его походе против религии и что многие отошли от него, видя враждебное настроение умов в деревнях.

² Под именем «Коммуны» и «анархистов» Минье подразумевал видных деятелей Коммуны, как Паша и Шометта, коммунистов, как Жак Ру, Шалье, Варле и др., и эбертистов. Так, например, он писал: «В таких условиях Робеспьер хотел пожертвовать Коммуной и анархистами. Комитеты же хотели пожертвовать Горой и умеренными. В конце концов они сговорились». Мишле, наоборот, прекрасно отделял народных коммунистов от эбертистов.